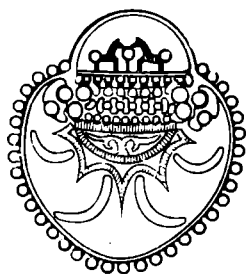

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

*Журнал основан в 1957 году
Выходит четыре раза в год*

№ 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА—1971

И. Т. КРУГЛИКОВА, В. И. САРИАНИДИ
ДРЕВНЯЯ БАКТРИЯ В СВЕТЕ НОВЫХ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ

История археологического изучения Афганистана сравнительно коротка, хотя и ознаменовалась блестящими открытиями в области античного, преимущественно кушанского периода¹. Однако до самого последнего времени слабо изученными оставались области Северного Афганистана. А между тем эти районы представляют особый интерес не только применительно к древностям самого Афганистана, но и всего Древнего Востока.

Уже первые исследования в этом направлении привели к открытию ряда исключительно важных памятников эпохи камня, начиная с мустьерского времени².

Несмотря на определенные успехи в этом направлении, до последних лет существовала огромная хронологическая лакуна в наших знаниях, соответствующая периоду между эпохой камня и античностью. В первом томе «История Афганистана» авторы прямо пишут, что «на территории Афганистана остатки земледельческих поселений встречаются лишь на юге страны. Несмотря на специальные поиски, ни одного такого поселения не обнаружено в Афганском Туркестане»³. С целью уточнения этого и возможности заполнения существующей лакуны, Советско-Афганская экспедиция выбрала местом своих исследований области Северного Афганистана⁴. Маршрутные обследования и стационарные раскопки не только расширили ареал распространения памятников каменного века по левобережью Амударьи, но и наметили их место в ряду синхронных памятников смежных районов.

Еще большее значение имеет открытие первых из известных в науке оседлоземледельческих поселений в Северном Афганистане. Это, прежде всего, группа памятников Давлетабада, расположенных между г. Андхой и Меймене. Судя по собранному на поверхности материлу, они принадлежали оседлоземледельческим племенам, жившим здесь во II тысячелетии до н. э.

Результаты исключительной важности были получены при первых раскопках древнеземледельческих поселений в районе к северу от г. Акча. Как оказалось, в древности здесь располагался оазис, включавший свыше 10 поселений эпохи бронзы. Несколько южнее и частично на месте этих памятников располагается следующий оазис «ахеменидского» времени и, наконец, еще далее на юго-восток частично на поселениях «ахеменидско-

---

¹ Э. А. Юркевич. История изучения кушанских памятников Афганистана. СА, 1962, 2, стр. 103—115.

² Обзор литературы по этому вопросу см. V. Masson, V. Sarianidy. Afghanistan in the Ancient East. «Afghanistan», XXII, 2, 1969, Kabul.

³ В. М. Массон, В. А. Ромодин. История Афганистана. I. М., 1964, стр. 31.

⁴ В работах экспедиции принимали участие советские археологи — О. Бабаев, В. И. Башилов, О. Бердыев, А. В. Виноградов, И. Т. Кругликова, В. И. Сарияниди, З. Х. Хакимов и афганские археологи — Абдулкаюм Гулями, Джума Федомамат, Абдул Хабиб.

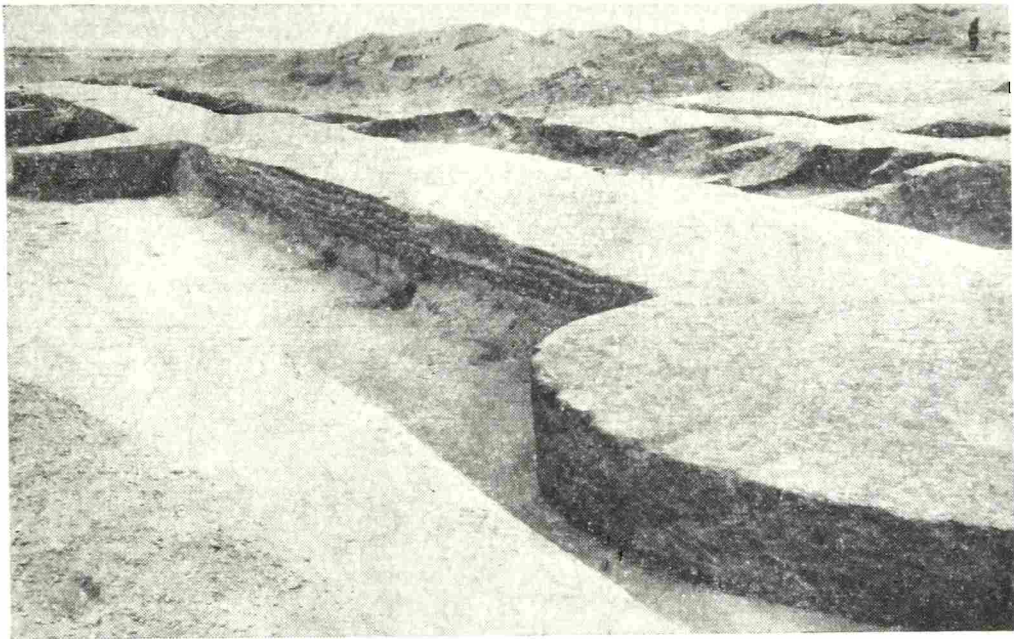

Рис. 1. Дашлы 1. Часть оборонительной стены

го» времени вырастают города античного периода. Таким образом, акчинский оазис включает памятники от середины II тысячелетий до н. э. до первых веков н. э., представляя идеальные возможности для исследования истории этого конкретного микрорайона на протяжении свыше полутора тысяч лет. Хотя многие частные вопросы существования жизни в рассматриваемом оазисе еще неясны, перемещение его в юго-восточном направлении, по-видимому, было связано с миграцией древней дельты р. Акча.

Перейдем к конкретному рассмотрению полученных данных, специально оговаривая предварительность многих положений.

Эпоха бронзы. Наиболее широкие раскопки были проведены на Дашлы 1, представляющем собой холм (110 × 90 м при высоте около 4 м) и прилегающего поселения (150 × 120 м при высоте до 0,8 м). Раскопки холма показали, что здесь располагается небольшая прямоугольная крепость размером 99 × 85 м. Стены ее шириной 3—4 м сложены из сырцового кирпича (50 × 22(24) × 12 см) и имеют высоту около 2 м от подошвы до сохранившегося верха стен. По углам крепости устроены округлые башни; дополнительные башни имеются по периметру стен, причем некоторые из них полые. Сближенные башни, устроенные посередине обводных стен, видимо, оформляли входы ворот.

Раскопки внутри крепости выявили бытовые строения (помещения жилого и хозяйственного назначения), стены которых также возведены из кирпича и тщательно обмазаны штукатуркой. Несмотря на то, что вскрыта почти четвертая часть внутренней площади крепости, каких-либо улиц, дворов или площадей пока не обнаружено. Раскопанный участок древней архитектуры — это сплошной массив хозяйственных и жилых помещений, и пока нет объективных критериев для выявления возможных обособленных жилых комплексов. Некоторым исключением являются помещения, тянущиеся с внутренней стороны южной обводной стены и непосредственно примыкающие к ней. Здесь выделяется группа узких вытянутых помещений, оказавшихся сожженными в древности. Их планировка, конструкция и характер заполнения резко отличаются от обычных бытовых зданий. Не исключено, что они носили оборонительный характер, так как именно здесь найдено большое количество ядер яйцевидной формы.

Примером типичного жилого дома данного поселения может являться помещение № 18. Оно почти квадратное, стены покрыты ярко-желтой штукатуркой. В южной стене помещения устроен камин, по обоим сторонам ко-

Рис. 2. Дашлы 1. Общий вид раскопок крепости

торого располагаются глубокие стенные ниши. Конструкция камня представляет особый интерес, так как дымоход устроен внутри стены. Этот конструктивный прием на других синхронных памятниках нам неизвестен, что бесспорно свидетельствует о высокой культуре строительного дела, когда помещения отапливались уже не «по-черному». Наряду с подобными камнями имеются обычные пристенные очаги, служившие для приготовления пищи. Не исключено, что в дальнейшем эти два типа — камни и очаги, позволят уточнить функциональное назначение отдельных помещений в системе всей вскрытой архитектуры.

Шурфы на прилегающем поселении выявили наличие не более 1—2 строительных горизонтов, причем встреченный материал полностью соответствует аналогичному из крепости.

Следует отметить, что тип памятника, состоящий из крепости и собственно поселения, судя по некоторым наблюдениям, был характерным для всего исследуемого оазиса. Правда, имеются и единичные поселения, культурный слой которых не превышает 0,5—0,7 м.

Раскопки другого памятника — Дашлы 3 привели к открытию оригинального по планировке монументального сооружения. Дашлы 3 также состоит из холма и прилегающего более низкого поселения. На поверхности холма по его краям прослеживаются мощные, видимо, обводные стены, что сближает его с Дашлы 1. Почти в центре прилегающего поселения располагается круглое в плане здание диаметром 36 м. Внешняя, метровой толщины, кольцевая стена имеет снаружи 9 башенок со входами, ведущими внутрь здания. Отступя 1,5—2 м от внешнего кольца стены, параллельно ей идет вторая так, что вместе они образуют своеобразный обводной коридор с тонкими поперечными стенками. Еще далее, к центру местам прослеживается третья кольцевая стена, не дающая, однако, полного круга. Почти в середине здания располагается прямоугольное сооружение, состоящее из нескольких помещений, плотно забутованных кирпичом. Частично расчищены два из них, принципиально сходной планировки, стоящие перпендикулярно друг к другу. Наиболее полное представление дает пом. № 3; в восточной части его друг против друга устроены две пристен-

Рис. 3. Дашлы 3. Общий вид круглого здания

ные пилястры, соединенные неширокой стенкой, образующей возвышение — суфу. Торцовая стена имеет две ниши, внешние углы которых оформлены трехступенчатыми выступами. Еще одна аналогично украшенная ниша имеется на противоположной стороне помещения. В середине двух других стен устроено по одной глубокой нише, внутренние стенки которых сильно обожжены.

Нетрудно заметить, что интерьер раскопанного помещения (тщательная отделка, декоративное оформление ниш) указывает на его особое, небытовое назначение. В целом же весь архитектурный комплекс резко отличается от известных сооружений, и если учесть, что он занимает почти треть общей площади поселения, то станет очевидным его общественное назначение. Следует сразу же оговорить, что раскопки круглого здания еще далеки от завершения (выявлена лишь общая планировка), но уже сейчас можно предположить, что это было монументальное здание либо светского, либо культового назначения. Представляется более обоснованным второе допущение, если учесть наличие прямоугольных очагов-выкладок, вознесенных на кирпичные платформы. Не исключено, что перед нами руины храма, а поселение Дашлы 3 являлось культовым центром всего оазиса в ранний период его существования. На последнее обстоятельство указывают многочисленные впускные погребения эпохи бронзы, частично нарушившие стены комплекса.

Общая планировка и архитектурное решение круглого здания не находят себе пока аналогии среди синхронных памятников Древнего Востока. Вместе с тем это уникальное для своего времени сооружение обнаруживает определенные аналогии в планировочном принципе крепости Кой Кырлган Кала. И там и тут два кольца стен, образующих галерею; в обоих случаях имеется по 9 башен, с той лишь разницей, что в хорезмской крепости башни расположены внутри стены, а не выступают наружу⁵.

Хотя между североафганским и хорезмским памятниками существует большой хронологический разрыв, не исключено, что истоки планировочных принципов крепости Кой Кырлган Кала в конечном счете восходят к архитектурным сооружениям типа круглого здания Дашлы 3.

Определенный интерес представляют и погребальные обряды обитателей оазиса. Наряду с отдельными «грунтовыми» могильниками, выне-

⁵ Кой Кырлган Кала — памятник культуры Древнего Хорезма IV в. до н. э. — IV в. н. э. Тр. ХАЭЭ, V, М., 1967.

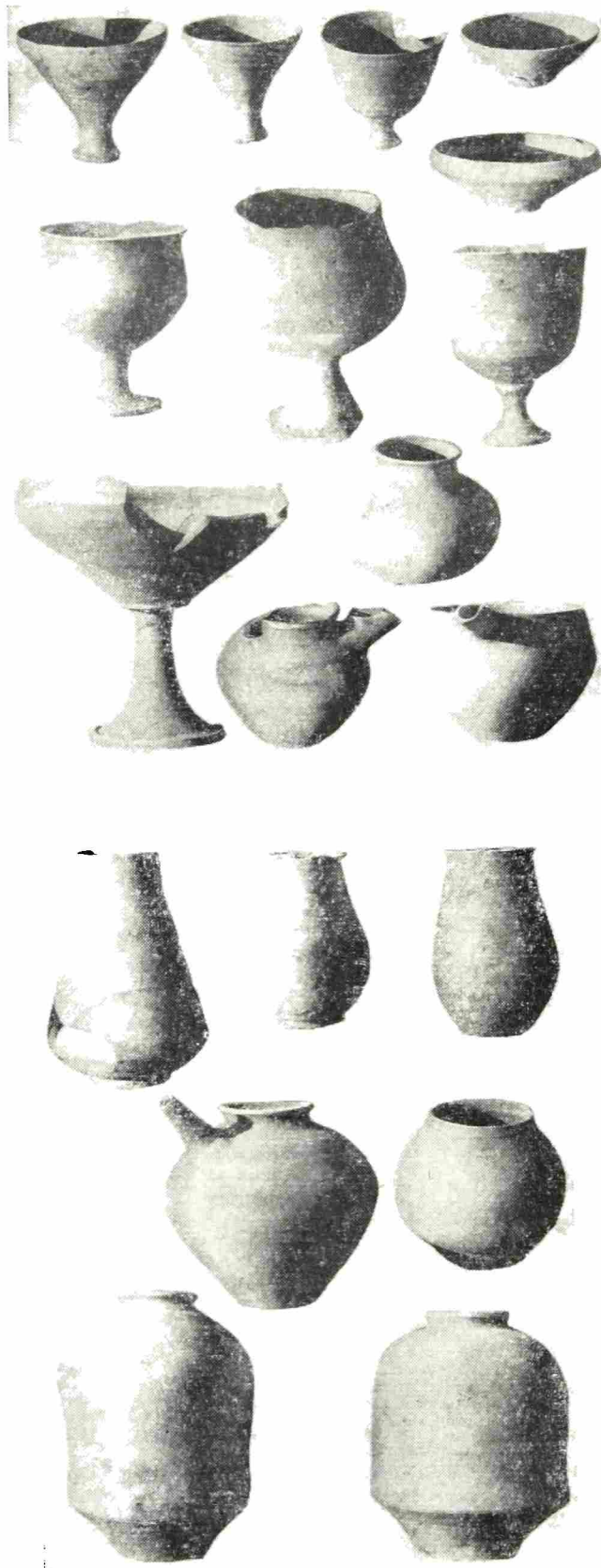

Рис. 4 а и б. Дашлы 1. Керамика эпохи бронзы

сенными на окраину поселений, имеются захоронения в пределах памятников, впущенных в руины заброшенных зданий. Один такой полуразвезянный могильник исследован на окраине поселения Дашлы 3. Могильные ямы вырыты в древнем такыровом слое и, видимо, были заложены сверху кирпичом. Скелеты сохранились плохо; все они скорченные, ориентированы головами преимущественно на север; погребальный инвентарь невелик — как правило, это несколько керамических сосудов.

Как отмечалось, захоронения встречены также в руинах зданий. Все скелеты скорченные, преимущественно имеют северную ориентировку, в погребальном инвентаре (кроме сосудов) встречены металлические булавки, зеркала, браслеты, кольца, каменный флакон. Наряду с подобными захоронениями на поселениях оазиса встречаются могилы, где костяки совершенно отсутствуют, а погребальный инвентарь включает большое количество сосудов, которых иногда больше 20, чаще уложенных стопками. Возможно, перед нами своего рода кенотафы, однако этот вопрос требует уточнения.

Представляют интерес ритуальные захоронения баранов: два таких погребения встречены на Дашлы 1. Скелеты неразделанных баранов лежат в могильных ямах и окружены большим количеством сосудов, уложенных стопками вокруг костяков. В первом случае перед черепом барана найдены ребра другого барана. Оба скелета животных имеют северную ориентировку.

Керамический комплекс рассматриваемых памятников может быть подразделен на три основные группы: посуду, сделанную на гончарном круге; лепную посуду и сероглиняную. Преобладают сосуды первой группы, изго-

товленные из глины хорошего качества и хорошо обожженные. Основные формы — вазы, вазы на ножке (иначе именуемые «вазы для фруктов»), хумчи с подкошенной придонной частью, кубки, кубки на ножках, чаши со сливами, чайники, горшки, крынки, хумы. Ведущими и показательными формами являются тонкостенные вазы и вазы на ножках, составляющие свыше 80% от всей учтенной «столовой» посуды с Дашлы 1. За редким исключением все они изготовлены из светлой глины, светлоангобированные с тонкопрофилированными венчиками. Много реже встречены краснофонные и в единичных случаях окрашенные красной краской.

Вторая группа представлена кухонными сосудами, по преимуществу котлами и жаровнями с низким бортиком.

Немногочисленную, но характерную группу составляют сероглиняные сосуды в виде полусферических чаш, мисок, горшков, сосудов со сливами, украшенных лощеным орнаментом. Комплекс серолощеной посуды имеет прямые аналоги в памятниках эпохи бронзы Северо-Восточного Ирана и является импортом из этих областей.

Как отмечалось, на поселениях исследуемого оазиса собрана большая коллекция кремневых изделий и особенно отходов от кремневого производства. Среди изделий выделяются наконечники стрел трех основных типов: ромбические, треугольные черешковые с опущенными жалъцами, и лавролистные, которых намного меньше. Имеются также наконечники дротиков до 10 см длиной. Большинство их изготовлено отжимной техникой, поверхность покрыта «струйчатыми» фасетками.

Встречены также длинные пластины, края которых нередко имеют глубокую ретушь.

Достаточно широко представлены и металлические изделия, преимущественно бронзовые. Это «длинные булавки», бритвы, зеркала, браслеты, височные подвески, лезвия ножей, кинжалов и дротиков, топорики, серебряное колечко, серп с зубчатым рабочим краем. О местном производстве свидетельствует тигель, расчищенный на холме Дашлы 3.

Особую группу находок составляют каменные, бронзовые и терракотовые печати. Большая их часть имеет круглую форму с петелькой-ручкой с оборотной стороны. С лицевой стороны имеются геометрические орнаменты, выполненные перегородчатой техникой. Особого внимания заслуживают две каменные печатки, сделанные в виде подвески со сквозным отверстием. На одной — изображение скорпиона, на другой — крылатый лев с открытой пастью. Обе они скорее всего являются импортом из более западных областей, причем печатка со львом близко напоминает ассирийские, датируемые XII—X вв. до н. э.⁶

Костяные изделия представлены обработанными рогами мелких и крупных животных, в том числе оленых. Имеются и более миниатюрные, тщательно зашлифованные костяные предметы. Наряду с керамическими пряслицами встречены каменные поделки биконической формы, украшенные в большинстве случаев кружочками — по три на каждой плоскости; назначение их остается не совсем ясным.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что находки украшений очень редки и почти полностью отсутствует мелкая терракотовая пластика. Отмечены единичные находки бусинок из лазурита, сердолика и других поделочных камней и единственная статуэтка животного с поверхности Дашлы 1.

Такова суммарная характеристика материальной культуры племен, некогда обитавших в исследуемом оазисе. Поселения с мощными крепостными укреплениями (свидетельство развитых форм общественной жизни), высокий уровень гончарного производства и металлообработки, монументальная архитектура, хозяйство, основанное на поливном земледелии и

⁶ Ср. E. Porada. *Corpus of Ancient Near Eastern Seals*. Washington, 1948, табл. LXXXVI.

скотоводстве, — все это свидетельствует о существовании здесь высокоразвитой культуры.

Представляется вполне закономерным характеризовать исследуемые памятники, как относящиеся к «цивилизации второго пояса», которая охватывала области к северу от Гиндукуша, северо-восточного Ирана и частично заходила на территории южных районов Средней Азии.

Закономерен вопрос о месте и времени изучаемых памятников в ряду сопредельных цивилизаций этой части Древнего Востока. В настоящее время можно считать бесспорным, что памятники типа акчинского оазиса не заходили южнее отрогов Гиндукуша и представляли цивилизацию, типичную только для Северного Афганистана. Они более тяготели к южным областям Средней Азии и районам восточного Ирана. Так, минимальные соответствия прослеживаются с цивилизацией долины Инда и южноафганскими памятниками типа Мундигака⁷. Гораздо более четкие связи, вплоть до торговых, обнаруживают памятники северо-восточного Ирана типа Шах-Тепе, Тюренг-Тепе и Тепе-Гиссар⁸.

Однако наиболее близкие аналогии дают соответствующие комплексы из дельты р. Мургаб⁹ и, возможно, Сапал-Тепе (Южный Узбекистан)¹⁰. Указанные параллели дают право относить поселение акчинского оазиса ко второй половине II тысячелетия до н. э., а точнее к последним столетиям II тысячелетия до н. э. Пока еще трудно конкретизировать направление культурных связей, однако генетическое родство между ними представляется безусловным.

Эпоха раннего железа. Материалы этого периода получены при раскопках поселения Тилля-Тепе, около г. Шибергана. Здесь был заложен раскоп и два шурфа.

Вся керамика с Тилля-Тепе может быть подразделена на две группы: лепную и гончарную. Первую, наиболее многочисленную группу составляет посуда ручного изготовления, распадающаяся в свою очередь на типы: расписную, чернополированную и кухонную. Наибольший интерес представляет расписная керамика. Глина ее имеет большую примесь толченой керамики или мелконарубленных растений. Черепок слегка пористый, красноватого цвета, иногда в середине черноватый. Поверхность сосудов покрыта ангобом светлых тонов от беловатого до розоватого. Среди керамических форм наиболее широко представлены полусферические чаши и горшковидные сосуды.

Роспись выполнена коричневой или красноватой краской, иногда небрежно. Орнаменты исключительно геометрические: треугольники, квадраты, лесенки, ромбы, заштрихованные в косую сетку или сплошь залитые краской. Нередко комбинация их дает довольно сложные узоры. Почти всегда роспись нанесена на верхнюю часть сосуда; в единичных случаях отмечена роспись изнутри.

Следующий тип составляет хотя и немногочисленная, но характерная чернополированная посуда. Это сосуды средних размеров типа горшков, иногда имеющие широкие, вертикально поставленные ручки, идущие прямо от венчика к тулову. Ниже венчика идет кольцевой орнамент в виде рельефных горизонтальных валиков. На единственном фрагменте отмечен процарапанный орнамент.

⁷ Ср. кубки на ножках. J. M. Casali. Fouilles de Mundigak. MDAFA, XVII, Paris, 1961, табл. XXXII.

⁸ Ср. серолощеную керамику с Тюренг-Тепе III (I. Deshayes. New Evidence for the Indo-Europeans from Tureng Tepe Archaeology, 1969, 22, 1), Шах-Тепе (T. Arne. Excavations at Shah Tepe. Iran, Stockholm, 1945) и Тепе-Гиссар (E. Schmidt. Excavations at Tepe-Hissar. Philadelphia, 1937).

⁹ В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы, МИА, 73, 1959, табл. I—X.

¹⁰ Л. И. Альбаум. Памятник эпохи бронзы на территории Сурхандарьи. ОНУ, 1969, 5, стр. 46—47.

Третий тип составляет многочисленная кухонная посуда грубой выделки. Здесь выделяются котлы с ручками-выступами, крупные хумы, горшки, хумчи, жаровни с низкими бортиками, крышки с ручками. Отдельные экземпляры украшены нарезным или лепным орнаментом.

Вторую группу керамики Тилля-Тепе представляют сосуды, изготовленные на гончарном кругу. Глина без заметных примесей отличается прекрасным качеством и обжигом. Как правило, внешняя поверхность сосудов покрыта светло-зеленоватым ангобом. Основные формы: хумы, горшки, чаши, миски. Венчики хорошо профилированы, чаще всего имеют в разрезе треугольную форму и обычно сильно отогнуты наружу. В целом формы венчиков сосудов средних размеров почти аналогичны лепным сосудам. Подсчет по венчикам среди всей посуды с раскопа дал соотношение 1 : 2 в пользу лепной керамики.

Материалы, полученные с Тилля-Тепе, выглядят несколько изолированно на фоне известных находок с поселений Афганистана. Правда, единичные орнаменты расписной посуды находят достаточно прямые аналогии в керамике Мундигака VI¹¹, но наиболее близкая связь обнаруживается с комплексом типа Яз-Тепе I из Южного Туркменистана (начало I тыс. до н. э.), так что можно предполагать генетическую связь между ними. Однако происхождение самого комплекса Яз-Тепе I до сих пор остается неясным. Впервые он был выделен американцами на южном холме Анау (Анау IV), где он как бы внезапно прерывает старую, глубоко местную земледельческую культуру. Налицо определенный разрыв в культурном развитии, в результате чего и было высказано мнение о вторжении из степей племен варваров (эпоха варварской оккупации)¹². Иными словами, предполагается, что комплекс Яз-Тепе I сложился в результате варваризации местной культуры вследствие вторжения с севера арийских (андроновских) племен.

Затронутая проблема далеко выходит за рамки чисто археологических интересов, так как с комплексом Яз-Тепе I связывается продвижение в начале I тысячелетия до н. э. иранских племен с востока (Средняя Азия) на запад по иранскому плато¹³.

Материалы Тилля-Тепе заставляют с большой осторожностью подходить к устоявшейся в науке точке зрения. В самом деле максимальная толщина слоев расписной керамики типа Яз-Тепе I в Южной Туркмении не превышает 2—3 м, в то время как на Тилля-Тепе она свыше 10 м. Уже это чисто археологическое наблюдение предостерегает от того, чтобы видеть в Тилля-Тепе поселение, основанное выходцами из Туркменистана. Если учесть, что в верхнем слое этого североафганского поселения имеется керамика типа Яз-Тепе II, то, очевидно, что имеются все основания представить обратную картину, когда носители расписной керамики типа Тилля-Тепе попадают в пределы Туркменистана и Южного Узбекистана из более южных областей, захватывавших и районы к северу от Гиндукуша. В литературе уже отмечался хронологический разрыв между эпохой бронзы (Намазга VI) и слоями Яз-Тепе I, в то время как Тилля-Тепе демонстрирует многометровую преемственность единого культурного комплекса.

Приведенные материалы приобретают особое значение в свете существующей теории о распространении индо-иранских языков из пределов Средней Азии¹⁴. Рассмотренные материалы, если и не дают прямого отве-

¹¹ I. M. Casal. Fouilles de Mundigak. II, 1961, Paris, рис. 118, 622, рис. 119, 623, рис. 122, 153, 654; эти параллели лишней раз подчеркивают преимущественно афгано-туркменистанские соответствия, чем ферганские (чуж). См. V. Masson, V. Sarianidi. Afghanistan in the Ancient East. «Afghanistan», 1970, 2.

¹² E. Schmidt. Archeological Excavations in Anau and Old Merv. В кн.: R. P. P. Pelly. Explorations in Turkestan. I. Washington, 1908.

¹³ И. М. Дьяконов, История Мидии. М.—Л., 1956, стр. 150—151.

¹⁴ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 68; И. М. Дьяконов. История Мидии. М.—Л., 1956, стр. 124.

та на проблему в целом, то тем не менее совпадают по времени с этими предполагаемыми событиями. Более того, они соединяют воедино историю племен, обитавших по обе стороны Амударьи в конце II — начале I тысячелетия до н. э., очерчивая тот узловой центр, где можно надеяться на перспективные результаты в исследовании проблемы, занимающей умы многих поколений историков, лингвистов и археологов.

Античность. На территории Северного Афганистана проводили разведки многие иностранные археологические экспедиции. Им удалось обнаружить большое число памятников, относящихся к средневековью и к кушанскому времени, и очень немного относящихся к первобытности и к греко-бактрийской эпохе¹⁵. Внимание археологов привлекали, главным образом, районы современных земледельческих оазисов. Именно поэтому большая часть из открытых экспедициями памятников расположена на реках Балх, Хульм, Кундуз, Кокча и на их притоках.

Советско-Афганская экспедиция начала свою работу с обследования менее всего изученных районов, расположенных к северу, востоку и юго-востоку от г. Акчи. Ранее здесь между городами Шиберганом, Акчей и р. Амударьей было зафиксировано лишь несколько памятников, относящихся к раннесредневековому и мусульманскому времени¹⁶. Советско-Афганской экспедиции удалось впервые обнаружить тут памятники более ранней поры. Среди пяти пунктов, где обнаружены руины поселений того времени, когда Бактрия входила в состав державы Ахеменидов, имеется город с хорошо заметными остатками оборонительных стен и цитадели. Были открыты также четыре памятника, скрывавшие остатки поселений греко-бактрийского времени. При этом не исключено, что некоторые из них существовали и при Селевкидах, о чем свидетельствуют находки на одном из них селевкидской монеты. Около десяти памятников являются руинами городов и укрепленных усадеб первых веков н. э., когда Бактрия входила в состав Кушанского государства.

В 1969 и в 1970 гг. экспедиция проводила раскопки двух городов, существовавших в греко-бактрийское и кушанское время. Первый из них Емши-Тепе круглый в плане находится в 4 км к северо-востоку от г. Шибергана. В 1938 г. его посетили английские археологи, упомянувшие о нем вскользь в своем отчете¹⁷. Город был обнесен мощной оборонительной стеной, сложенной из сырцовых кирпичей и пахсы. Длина стены по периметру немногим менее 1,5 км, диаметр внутри стен 480 м. Общая площадь города около 18 га. Исследование оборонительной стены города показало, что ее высота превышала 14 м. Стена неоднократно перестраивалась и ремонтировалась. Наиболее древняя часть стены была позднее укреплена двумя дополнительными панцирями, пристроенными к ней с обеих сторон. Благодаря этому она оказалась как бы в футляре и стала ядром мощной стены последнего строительного периода. Подобные приемы утолщения древних стен известны и на других памятниках античного времени. Так, стена Гяур-Калы, построенная при Антиохе, в порфянское

¹⁵ Дополнительно к литературе, приведенной у Э. А. Юркевича (Э. А. Юркевич. Ук. соч., стр. 104—114), следует указать следующие работы: T. N. Ramachandran and Y. D. Sharma. Archaeological reconnaissance in Afghanistan. Delhi, 1956, стр. 119 сл; K. Fischer. Preliminary Remarks on Archeological Survey in Afghanistan. «Zentralasiatische Studien», 3, Wiesbaden, 1969, стр. 327 сл; R. Davis. Prehistoric Investigation in Northern Afghanistan. «Afghanistan», XXII, 3—4 (1969—1970) стр. 75 сл; S. Mizuno. Hazar-Sum and Fil-Khana. Kyoto, 1967; P. Bernard. Aï Khanum on the Oxus: a Hellenistic City in Central Asia. «Albert Reckitt Archaeological Lecture British Academy». Proceedings of the British Academy. LIII, London, 1967; P. Bernard. Troisième campagne de fouilles a Aï Khanoum en Bactriane. AIBL Paris, 1968, стр. 263 сл; P. Bernard. Campagne de fouilles 1969 a Aï Khanoum en Afghanistan. AIBL Paris, 1970, стр. 301 сл.

¹⁶ E. Barger. Explorations of Ancient Site in Northern Afghanistan. «Geographical Journal», XCIII, London, 1939, 5, стр. 377 сл; H. Deydier. Contribution à l'étude de l'art du Gandhara. Paris, 1950, стр. 203.

¹⁷ E. Berger et Ph. Wright. Excavations in the Oxus Territories of Afghanistan. Memoirs of the Archaeological Survey of India, 64, Calcutta, 1941, стр. 54.

время была укреплена пристроенными с обеих сторон панцирями и как бы заключена в футляр¹⁸. Городская стена Дальверзин-Тепе в кушанское время заключена в футляр, а стена цитадели усилена внешним панцирем¹⁹. Древнейшая стена Емши-Тепе была сложена из пахсовых блоков и сырцового кирпича размером $40 \times 40 \times 10$ см. В верхней части стена имела толщину 9 м, книзу она расширялась до 15 м. Со стороны города вдоль стены имелся уступ шириной до 2 м — вероятно, для облегчения передвижения солдат, обороняющих город. Позднее, когда с этой стороны к стене был пристроен новый панцирь шестиметровой толщины из пахсовых блоков, ширина галереи соответственно увеличилась и уровень ее оказался на 1,5 м выше, что, по-видимому, свидетельствует об увеличении высоты стены. Древняя стена была надстроена кирпичом меньшего размера: $38 \times 38 \times 10$ см.

Снаружи, вокруг стены, вероятно, был ров. В последний период существования оборонительных сооружений с наружной стороны стены на слое обрушившихся кирпичей была возведена кирпичная кладка, подошва которой оказалась на 7 м выше подошвы оборонительной стены с внутренней стороны. Можно предположить, что высота стены в это время значительно возросла, а толщина ее вместе со всеми панцирями превысила 25 м. Был вырыт ров. Его дно было на 8,5 м ниже подошвы наружного кирпичного панциря стены. Трудно определить точные даты постройки и обновления оборонительной стены. В одном из пахсовых блоков древнейшей части стены под глиняной обмазкой был обнаружен бронзовый трехлопастной листовидный наконечник стрелы типа найденных в Персеполе²⁰ и датирующихся V — IV вв. до н. э. Однако не исключено, что он попал в пахсовый блок вместе с глиной, и в таком случае он может дать только *terminus post quem* для определения даты возведения древней части стен. В завале кирпичей при расчистке стены были найдены серебряная сасанидская монета и бронзовая монета «Безымянного царя» (Сотера Магаса), принадлежащая, вероятно, чекану Кадфиза I²¹. Впрочем, единого мнения у специалистов о датировке этих монет нет²². Найденные монеты показывают, что оборонительные стены уже существовали в кушанское время, это позволяет предположить, что время их разрушения — эпоха сасанидов. К этому же времени относится и гибель жилых построек, исследовавшихся на двух всхолмлениях в средней и северной частях городища. Раскопки внутри города показали, что расцвет городской жизни относится к кушанскому периоду. Именно тогда сооружался, по-видимому, дополнительный панцирь, укреплявший оборонительные стены со стороны города.

Последний ремонт оборонительных сооружений и возведение наружного панциря так же, как и разрушение стен, относится, вероятно, к сасанидской эпохе.

При кушанах к пахсовому панцирю стены со стороны города были пристроены помещения, стены которых, как и у других построек, были сложены из сырцового кирпича, реже кладка была комбинированной (кирпич и пахса). На глинобитных полах стояли глинобитные же очаги; иногда в полы были вмазаны хумы или другие крупные сосуды. Изредка на полу стояли небольшие известняковые поделки, напоминающие базы колонн. Возможно, это были домашние алтарики или просто подставки. Аналогичные поделки находили в греко-бактрийском городе Ай-Ханум²³ и

¹⁸ Ш. С. Ташходжаев. Разрез городской стены Гяур-Калы. Тр. ЮТАКЭ, XII, Ашхабад, 1963, стр. 105.

¹⁹ Г. А. Пугаченкова. Халчаян. Ташкент, 1966, стр. 23.

²⁰ E. F. Schmidt. Persepolis. 2, стр. 99, табл. 76, 8.

²¹ М. Е. Массон. Происхождение безымянного царя царей — великого спасителя. Тр. СГУ, XI, Ташкент, 1950, стр. 11 сл.

²² Г. А. Пугаченкова. К дискуссии о «Сотере Мегасе». Тр. ТашГУ, 295, Ташкент, 1966, стр. 15 сл.

²³ P. Bernard. Campagne de fouilles 1969 a Ai Khanoum en Afghanistan, AIBL, avrie-juin, 1970, Paris, 1970, стр. 337—339, рис. 30.

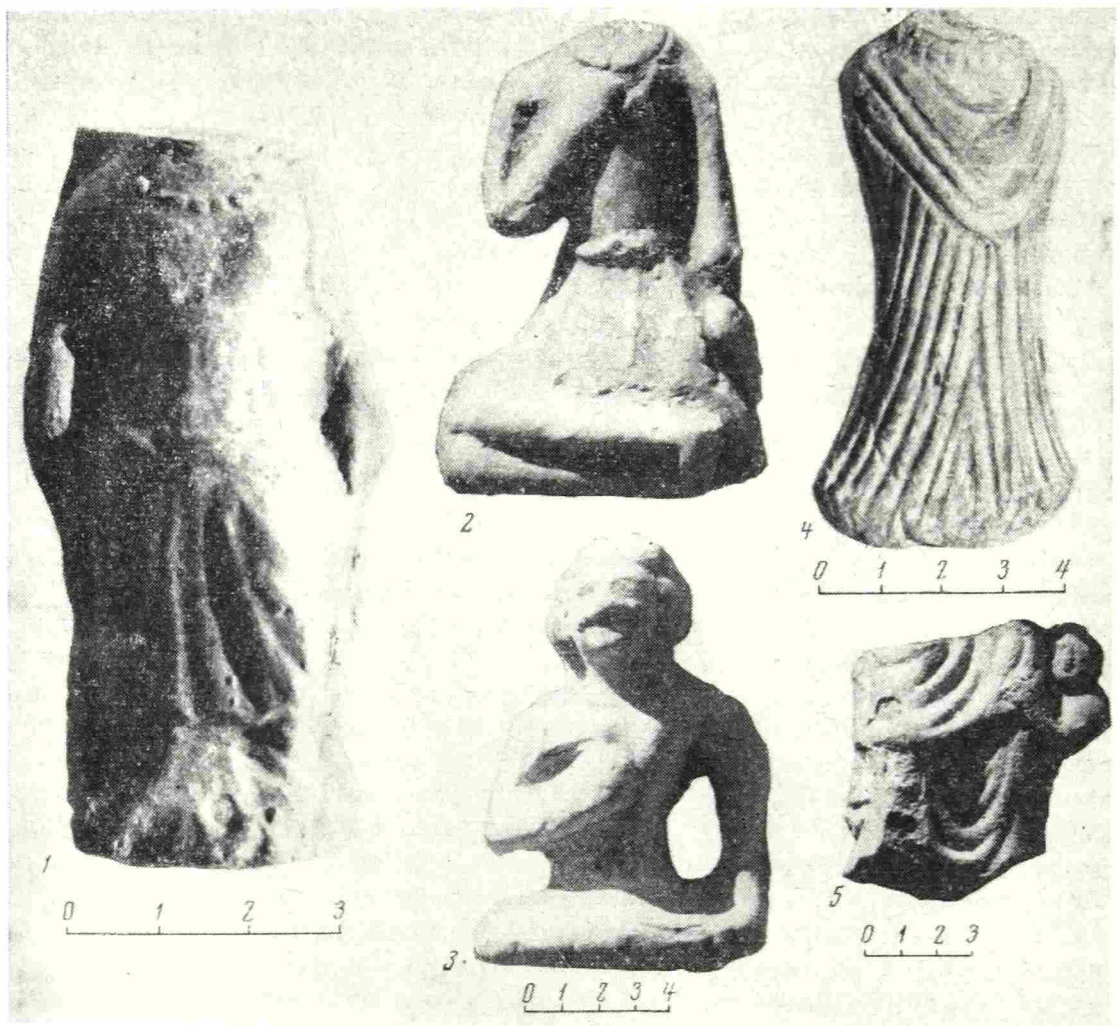

Рис. 5. Терракотовые статуэтки

во многих поселениях античного времени на территории среднеазиатских союзных республик²⁴. В слое над полами помещений найдено большое количество терракотовых статуэток. Некоторые из них выполнены в греко-бактрийском стиле, как например, фигурка женщины в хитоне, покрывале и с ожерельем на шее (рис. 5, 1)²⁵, или головка от другой статуэтки (рис. 6, 1). Некоторые из терракот сильно стилизованы (рис. 5, 4) и являются, по-видимому, дальнейшим развитием типа богини с зеркалом. Они напоминают статуэтку из Саксанохура²⁶. Своеобразна женская статуэтка, голова которой не сохранилась, в одежде, по-видимому, застегивавшейся спереди на всю длину (рис. 6, 5). Края одежды сделаны рельефно, так же рельефно изображены узкие, доходящие до полу рукава. Эта одежда напоминает статуэтки из Галла-Молла²⁷. Как и на среднеазиатских посе-

²⁴ Г. А. Пугаченкова в своей работе: «Фрагменты эллинистической архитектуры правобережного Тохаристана» (Тр. Термезской археологической комплексной экспедиции. II, Ташкент, 1945, стр. 78) называет такие предметы постаментами миниатюрных реликвариев. Близкие им, но на ножках, были найдены на городище Калаи-Мир; См. М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении рек Кафирнигана (Кобадан) (1950—1951 гг.) МИА, 37, 1953, стр. 284, рис. 20 и табл. XII, 63.

²⁵ Подобного типа статуэтки находили в античном Мерве. Г. А. Пугаченкова. Коропластика древнего Мерва. Тр. ЮТАКЭ, XI, стр. 125.

²⁶ Б. А. Литвинский, X. Мухитдинов. Античное городище Саксанохур (Южный Таджикистан). СА, 1969, 2, стр. 170, рис. 8; Одна из терракот «музыкантов» из Самаркандского музея имеет аналогично выполненное украшение, спускающееся от плеч к поясу в виде трех рельефных полос; См.: В. А. Мешкерис. Терракоты самаркандского музея. Каталог, Л., 1962, IX, 106.

²⁷ Г. А. Пугаченкова. Халчаян, стр. 221, рис. 104, 5.

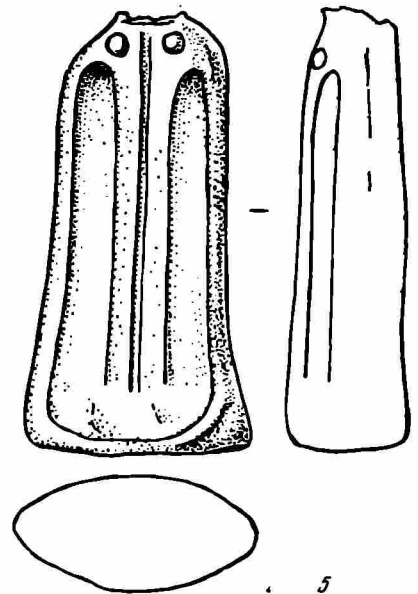
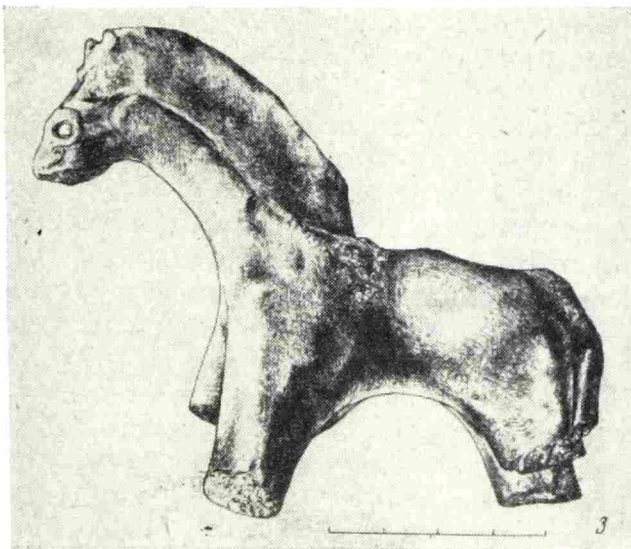
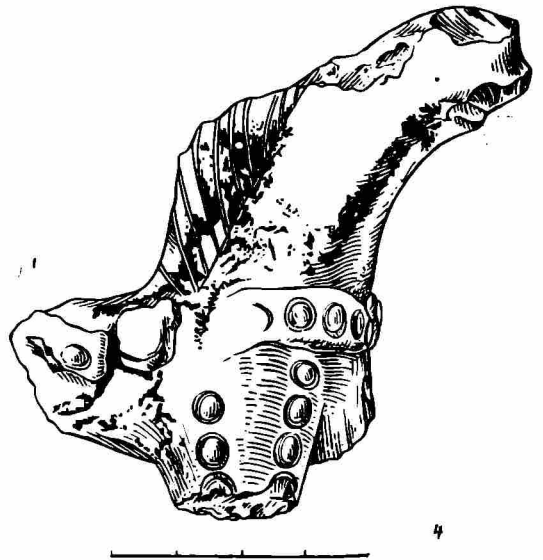
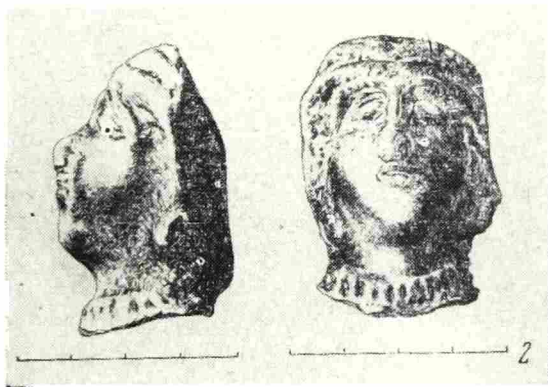
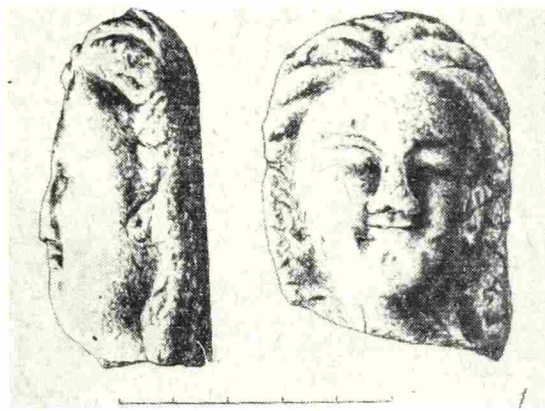

Рис. 6. Емши-Тепе. Терракотовые статуэтки (1—5)

лениях кушанского времени, на Емши-Тепе имеются статуэтки всадников и лошадок (рис. 6, 3, 4)²⁸.

Особенно интересны статуэтки мужчин, сидящих со скрещенными ногами, с гривной на шее и с рукой у груди (рис. 5, 2 и 3). Среди других находок было много алебастровых профилированных пряслиц, имевших своеобразный перехват посередине; при этом одна из сторон была плоской

²⁸ У одной из фигурок лошади глаза выполнены в виде круглых лепешковидных налепов с оттиснутым кружком в центре. В. А. Мешкерис относит подобные фигурки к эфталитской эпохе (В. А. Мешкерис. Ук. соч., XI, стр. 124), но такая же лошадка найдена в Халчаяне на полу дворцового здания, погибшего в III в. (см.: Г. А. Пугаченков а. Халчаян, стр. 230, рис. 108 и стр. 251).

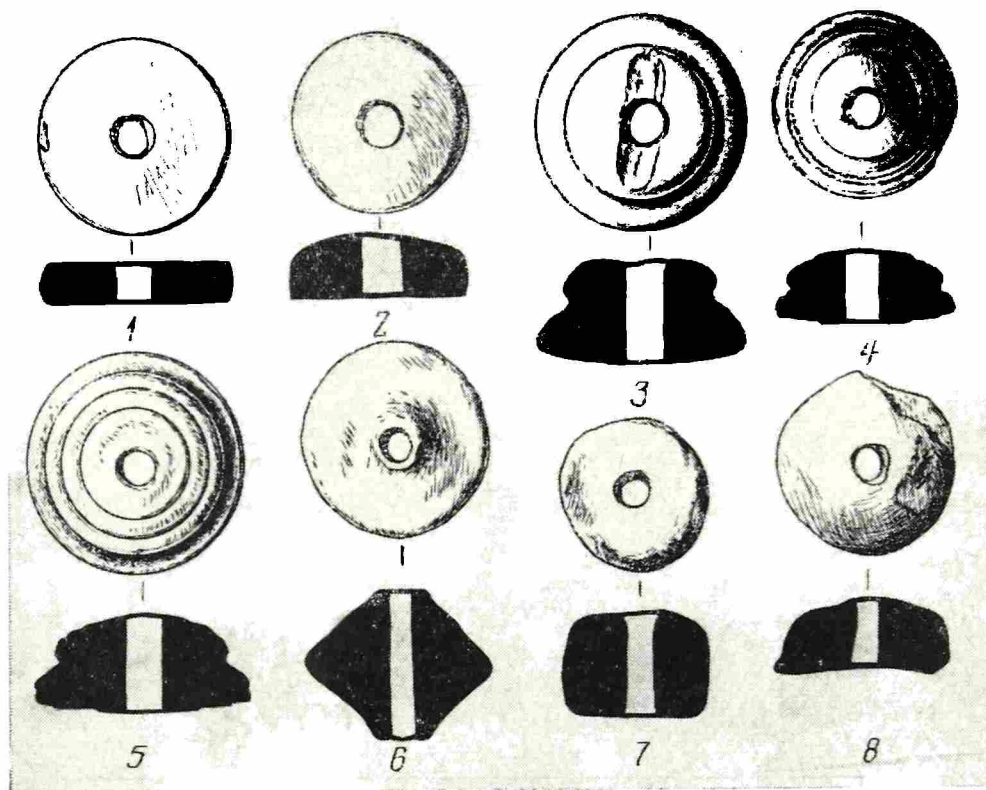

Рис. 7. Емши-Тепе. Пряслица

1—5 — камень; 6—8 — глина

и имела бóльший диаметр, противоположная сторона, слегка выпуклая, иногда имела дополнительные врезные круги²⁹ (рис. 7, 3—5).

В центральной части города был вскрыт комплекс помещений жилого и хозяйственного назначения. Сеть обводных коридоров разделяет весь комплекс на отдельные блоки, состоящие из нескольких помещений, концентрирующихся вокруг внутренних двори́ков. Были прослежены два строительных горизонта. При этом во многих случаях стены верхнего строительного периода стоят непосредственно на стенах первого яруса.

Размеры сырцовых кирпичей в стенах верхнего строительного горизонта $38 \times 38 \times 10$ см, тогда как нижний ярус стен сложен из кирпичей размером $40(42) \times 40(42) \times 10(12)$ см; иногда встречаются стены, сложенные из пахсовых блоков. Внутри многих помещений имелись своеобразные круглые очаги, сделанные из хумов, обложенных вертикально стоящими кирпичами. При этом пространство между хумом и кирпичами было заполнено золой. Среди помещений хозяйственного назначения была кладовая с пятью стоящими хумами, самый крупный из которых имел высоту 1,2 м и диаметр устья 0,50 м, самый маленький — высоту 0,85 м, диаметр устья 0,35 м. Среди находок в помещениях нижнего горизонта имелись терракотовые статуэтки лошадок, собаки, а также глиняные пряслица, обломки сосудов. В помещениях верхнего горизонта вместе со статуэтками животных: быка, собаки, лошади — найдены статуэтки всадника, обломки расписных сосудов (рис. 8, 1), каменных тарелок с резным орнаментом. Особый интерес представляют обломки рельефных чаш эллинистического времени, так называемой «мегарской» чаши (рис. 8, 2) и тарелки с рельефным медальоном в центре, соответствующие по вре-

²⁹ Подобные пряслица имелись в Халчаяне (см.: Г. А. Пугаченкова. Халчаян. стр. 95, рис. 62), в Закар-Тепе (см.: J. Carl. Sondages au Zaker-Tepé. MDAFA, VIII, Paris, 1959, стр. 77, табл. VI).

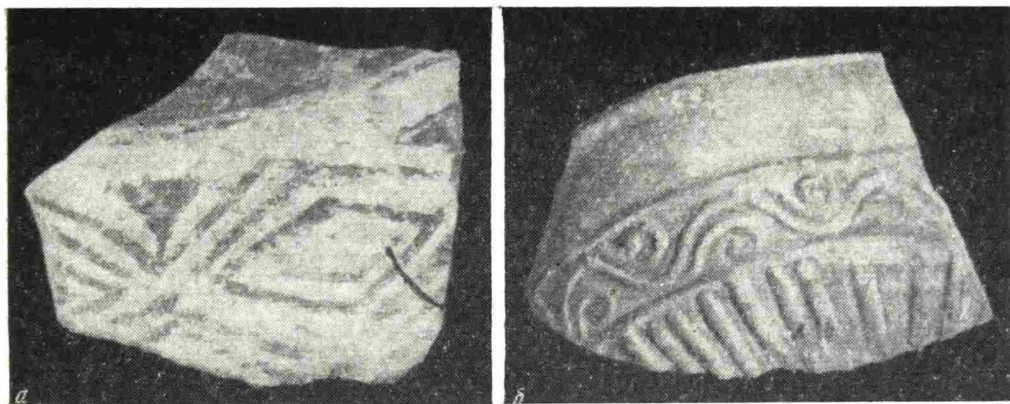

Рис. 8. Емши-Тепе.

1 — обломок расписного сосуда; 2 — обломок рельефной чаши

мени греко-бактрийским монетам, также найденным в верхнем слое позднекушанского или сасанидского времени. ¹

Среди находок из соседнего жилого комплекса кушанского времени, раскапывавшегося в 1969 г. на ближайшем небольшом всхолмлении, имелась стенка гончарного сосуда с процарапанной надписью, сделанной еще до обжига сосуда греческими буквами и являющейся, по-видимому, началом греческого имени Диодот. Там же найдены дно сосуда с греческим граффити и целый ряд терракотовых статуэток: богини, всадника и животных — собаки и лошади. Интересна находка фляги с остатками светло-голубой глазури на поверхности. В одном из помещений найдены известняковые «базы» и алебастровые пряслица, аналогичные встреченным у городской стены. Остатки глиняных труб, проложенных под стенами, позволяют говорить о наличии в городе канализации.

Этот город являлся центром сельскохозяйственного оазиса. Расцвет города связан с кушанским временем. Мощность культурного слоя этого времени достигает 5—6 м. Общая мощность культурного слоя превышает 8,5 м. В окрестностях города были обнаружены небольшие поселения и усадьбы кушанского и греко-бактрийского времени. Мощные стены города были защитой населения от врагов. Остатки гончарных печей и мастерская металлурга в одном из помещений свидетельствуют о том, что в городе жили ремесленники. Многочисленные монеты говорят о развитой торговле.

В 1970 г. экспедиция начала раскопки еще одного античного города Дальверзин-Тепе, руины которого находятся вблизи современной деревни Дальверзин, в 20 км к северо-востоку от г. Акчи. Здесь, среди песков и такыров, возвышается множество тепе, скрывающих небольшие городки и усадьбы эпохи ахеменидов, греков-бактрийцев и кушан.

Оборонительные стены античного Дальверзина возвышаются на 6—7 м над современной поверхностью. Город интенсивно засыпается наступающими песками пустыни. Однако сильные ветры передвигают поверхностные пески, обрисовывая контуры глинобитных построек как внутри города, так и вне его. Поэтому археологу иногда удается почти полностью увидеть планы зданий даже не производя раскопок.

Дальверзин (почти квадратный в плане) был обнесен кирпичной стеной, каждая из сторон которой имела длину около 383 м (рис. 9). Общая площадь города внутри стен была немногим менее 12 га, но он простирался далеко за пределы оборонительных стен. К югу и востоку от города тянутся (на расстояние до 50—80 м) остатки построек, расположенных вдоль нескольких параллельных улиц. Отчетливо выступают развалы домов и многочисленных керамических печей, около которых встречается множество кусков керамического шлака. Вне городских стен имеются два высоких холма, скрывающих остатки монументальных построек, возможно, храмов.

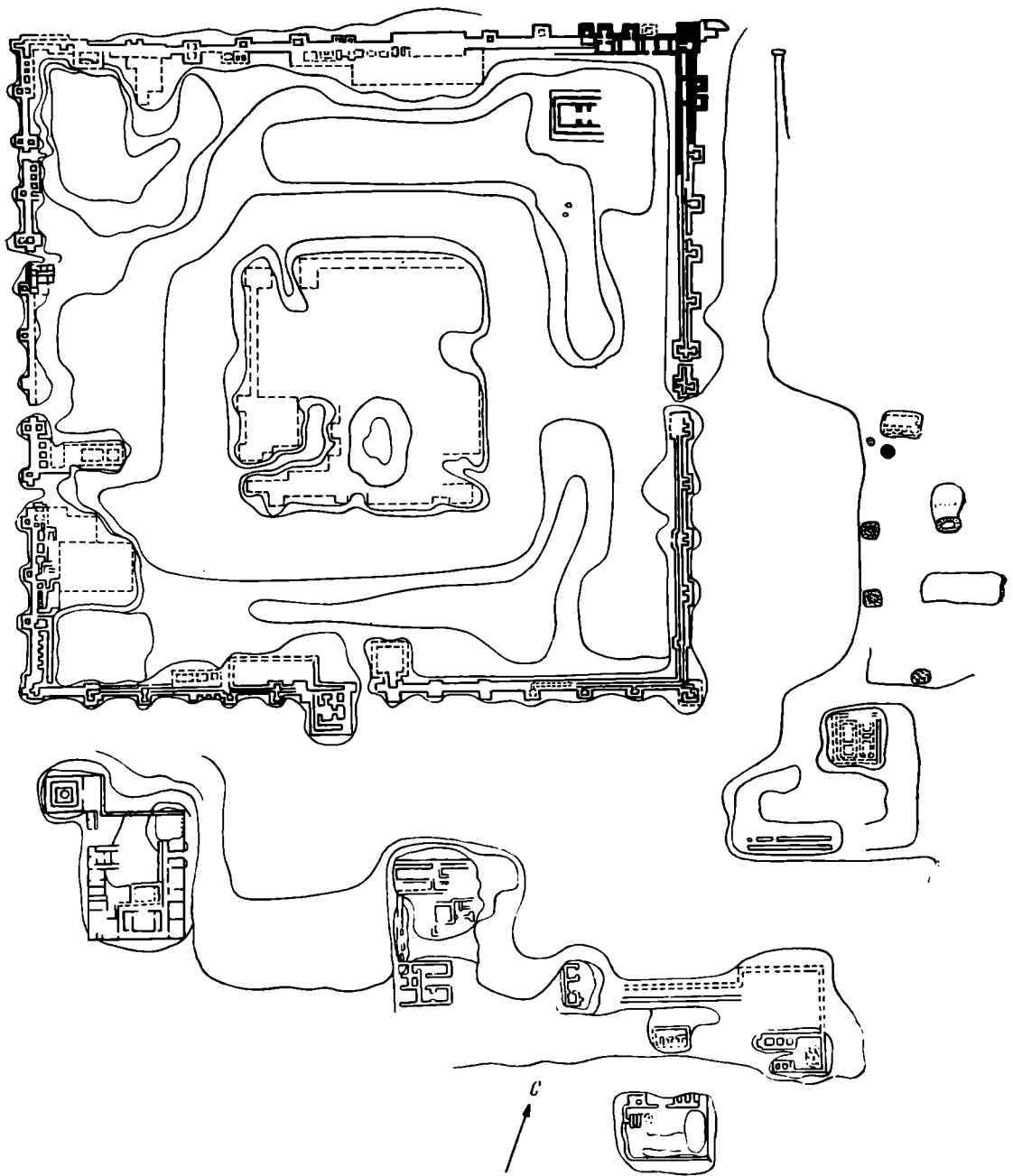

Рис. 9. Дальверзин. План

В самом центре пространства, огороженного оборонительными стенами, возвышается цитадель. Она также имеет вид квадрата со сторонами около 150 м каждая. Цитадель обнесена мощными стенами с башнями. Вход на цитадель был с запада. Он, по-видимому, был специально укреплен. Цитадель возвышается над городскими стенами, и в результате размыва и выдува культурного слоя в настоящее время она сплошь усыпана битой керамикой кушанского времени. Раскопки там не производились. Между стенами цитадели и городскими стенами находится ряд холмообразных возвышенностей. В северо-восточном углу раскопки одного из наиболее высоких всхолмлений обнаружили остатки большой прямоугольной постройки типа храма в антах.

Как и у греческих храмов, вход в него был с востока. Имелся пронаос и наос, но кроме того был непривычный для греческих храмов сводчатый обводной коридор. Как только стены храма были околесены, выяснилось, что они были сложены из сырцовых кирпичей и покрыты штукатуркой, местами сохранившей полихромную роспись. Кроме того, при расчистке

Рис. 10 Дальверзин. Стрелковая галерея

входа обнаружили кусок примыкавшей к стене рельефной глиняной скульптуры (часть ноги и голубой туники). Отсутствие в составе экспедиции реставратора заставило отложить расчистку храма до будущего полевого сезона. Вокруг храма была ровная углубленная площадка, по-видимому, площадь. Аналогичные площадки имелись и в остальных трех углах городища. К югу от храма отчетливо выделяются развалы керамических печей с кусками керамического шлака и ошлакированных сводов. Еще далее к югу находится жилой квартал. В плохо сложенных домах с небольшими помещениями, относящимися к последнему периоду существования города, может быть, жили слуги или ремесленники, обслуживавшие дворец правителя, располагавшийся на цитадели. С противоположной стороны городища по обе стороны западных въездных ворот находятся два высоких холма, скрывающие большие, еще не раскопанные здания.

Кроме западных въездных ворот в средней части южной стены имелся проезд, который был фланкирован двумя башнями: одна выступала наружу, другая — внутрь городища. Вероятно, существовали проходы и в других стенах, но выявление их требует проведения раскопок. При внешнем осмотре оборонительных стен установлено, что их конструкция, количество и размер башен, а также интервалы между ними неодинаковы. Так, к внутреннему панцирю северной и западной стен были пристроены помещения, тогда как вдоль восточной стены тянулась двухэтажная галерея. Такая же галерея, видимо, была и у южной стены, но там кое-где имеются и пристроенные помещения. С внешней стороны к каждой из стен примыкали по 13 или 14 прямоугольных башен, входы в которые были либо через примыкавшие к стене помещения, либо из галерей. В последнем случае в галереях были сделаны специальные лестницы на верх башни. В нижние помещения башен, где находились бойницы, можно было попасть, спустившись по сводчатому коридору-лестнице, проходившему внутри башни.

В 1970 г. были проведены раскопки в северо-восточном углу оборонительных сооружений и в средней части западной оборонительной стены. Было установлено, что стены, сложенные из сырцового кирпича, имели

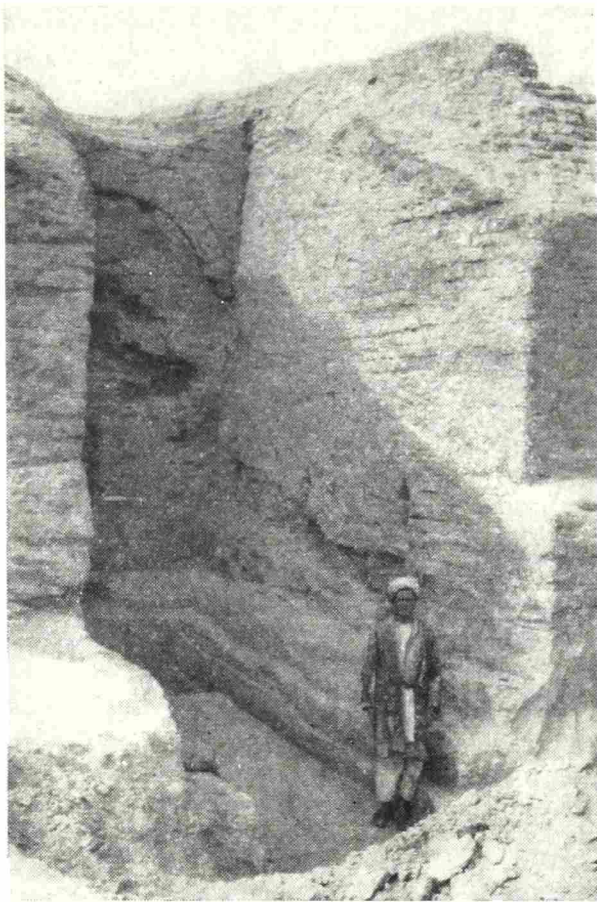

Рис. 11. Дальверзин. Башни

Уровень пола верхней галереи на 3,5 м выше уровня подошвы стены. По-видимому, высота обеих этажей была одинакова. Стены сохранили следы перестроек. Так, например, во внутреннем помещении угловой башни сохранились стреловидные бойницы, заложенные снаружи пристроенными стенами. Стреловидные бойницы сохранились у двух боковых башен на высоте 2,5 м, при этом у одной из них они частично заложены при ремонте стены (рис. 11).

Раскопки западной стены открыли часть жилого комплекса, примыкавшего к внутреннему панцирю стены (рис. 12). Среди помещений имеется кладовая (№ 6), где вдоль стен стояли 9 больших хумов, вмазанных в глину. В соседней комнате (№ 7) имелись 4 ниши, вырубленные в нижней части стен. Их ограждали округлые глиняные стенки. Всего в помещении № 7 было 5 округлых стенок, пристроенных к нижней части стен на уровне полов. Две из них отгораживали углы. Возможно, это были места для хранения продуктов — типа закромов. Аналогичные глиняные загородки имелись в углах еще трех помещений (№ 2, 3, 9). Интересны стоящие у дверных проемов (помещения № 2, 3, 8) небольшие хумы. Они окружены глиняными стенками, причем пространство между хумом и стенками заполнено золой. Аналогичные сооружения найдены на городище Емпи-Тепе. В помещениях № 1, 2, 8 вдоль стен расположены глиняные лежанки; в помещении № 4 около дверного проема находился глинобитный очаг прямоугольной формы, рядом с ним в углу был глинобитный столик, а в противоположном углу помещения стоял хум. Все помещения небольшого размера, много раз перестроенные, часто двери заложены и превращены в ниши, некоторые стены возведены заново над стенами помещений предшествующего периода. Все стены были сложены из квадратных сырцовых кирпичей и оштукатурены. В некоторых случаях стены сохранились до 2,5 м, а над дверями уцелели перекрытия.

Положенные наискось кирпичи оснований сводов свидетельствуют

толщину 3 м, сохранившаяся их высота составляет 8 м. Размеры кирпичей различны: $38 \times 28 \times 12,5$ см; $35 \times 30 \times 10$ см; $35 \times 34 \times 13$ см. Вдоль восточной стены, с внутренней стороны, тянулась галерея трехметровой ширины (рис. 10), перекрытая сводчатым потолком. Сохранившаяся часть свода была сложена из трапециевидных кирпичей в отличие от кладки стены, где кирпичи были квадратными. Трапециевидные кирпичи были нестандартны. Их торцовые стороны равны 24 (25) см и 27 (30—32) см, а боковые стороны трапеции — 32, 34 и 35 см при толщине 10 и 11 см.

Стены галереи покрыты хорошо заглаженной штукатуркой белого и черного цвета. Зондаж, сделанный ниже пола галереи, показал, что она имела два этажа. Полное отсутствие находок здесь пока не позволяет установить, относятся ли эти два уровня галереи к одному или к разным хронологическим периодам.

Рис. 12. Дальверзин. Помещения у западной стены

о сходстве строительной техники Дальверзина с античным Хорезмом³⁰. В помещениях обнаружено много различных сосудов: краснолощенные миски и кубки с рельефными налестками в виде голов животных и без них, сосуды с зооморфными ручками, сосуды со штампованным орнаментом в виде вдавленных пальметок и т. д. Кроме краснолощенных встречались сосуды с красным и белым ангобом, а так же с бурым или черным покрытием и без покрытия. Имелись сосуды с врезным волнистым орнаментом, с утолщенными венчиками, покрытыми горизонтальными желобками, аналогичные керамике Емши-Тепе, Беграма³¹ и античных слоев Балха³². Там же были найдены терракотовые статуэтки лошадок и рельеф с нижней частью человеческой фигуры.

Небольшие размеры помещений, их жилое или хозяйственное назначение, многочисленная керамика, найденная в помещениях, в том числе закопченная кухонная, — все это заставляет предположить, что здесь жило рядовое население города или солдаты городского гарнизона,

Иную картину дали раскопки помещений, пристроенных к северной оборонительной стене. Здесь к внутреннему панцирю стены прилегли восемь помещений значительно больших размеров, чем у западной стены. Стены трех из них отделаны расписной штукатуркой, но, так же как и храм, эти помещения в 1970 г. не вскрывались. Только одна самая маленькая комната была на короткое время освобождена от заполнявшего ее песка, благодаря чему удалось зафиксировать сюжетную полихромную роспись (рис. 13), покрывавшую часть северной стены, т. е. положенную непосредственно на глиняную обмазку внутренней поверхности оборонительной стены. Роспись занимает всю нижнюю часть стены, ширина которой 1,75 м. Высота расписанного панно более 1,1 м. Выше стена сохранила следы побелки. На росписи на розовом фоне представлена группа людей. В центре изображения наиболее крупная фигура мужчины, сидящего либо

³⁰ В. Л. Воронина. Строительная техника древнего Хорезма. Тр. ХАЭЭ, 1. М., 1952, стр. 95, рис. 5, 2.

³¹ R. Ghirshman. Begram. MDAFA, XII, Caire, 1946.

³² I. C. Gardin. Ceramiques de Bactres. Paris, 1957, табл. III, 3; IV, 17; V, 3с.

Рис. 13. Дальверзин. Роспись на северной стороне помещения № 12

с разведенными в стороны коленями, как часто изображали сидящих на троне сасанидских царей и богов³³, либо с поджатыми по-восточному ногами, как изображены пирующие в росписях Балалык-Тепе³⁴. Роспись в нижней части испорчена и до конца не вскрыта. Поэтому поза изображенного человека пока может быть восстановлена лишь условно. Правая рука вытянута вперед и держит какой-то предмет, вероятно меч, так как сохранилось изображение только нижней части рукоятки. Левая рука опирается на щит, поставленный на колено. На мужчине — рубаха, подпоясанная кушаком, изображенным в виде двух рядов клеточек. На плечи накинута голубой со светлыми разводами плащ, на шее желтая (видимо, золотая) витая гривна с крупной пронизью в середине, в ушах каплевидные серьги с переливами. На голове своеобразный головной убор, представляющий собой нечто среднее между стилизованным шлемом и тюрбаном, по обенм сторонам которого изображены две черные кисточки, прикрепленные к двум желтым (по-видимому, золотым) бусинам. В центре надо лбом золотой шишковидный выступ. Волосы в виде волнистых прядей спускаются по плечам. Вокруг головы желтый нимб, сзади из-за плеч поднимаются два роговидных желтых предмета. Это ленты, так называемые «кости», хорошо известные на изображениях сасанидских царей³⁵. С правой стороны центральной фигуры изображена стоящая женщина в одежде с оранжевыми полосами и в круглой шапочке в виде синего ободка с белой серединой. Сверху на шапочке изображены радиально расположенные линии, нанесенные красно-коричневой краской, которые делают ее похо-

³³ R. Ghirshman. Parthes et sassanides. Gallimard. 1962, стр. 172, рис. 214; стр. 205, рис. 244 и стр. 206, рис. 245; A. Godar, Y. Godar, J. Naskin. Les Antiquités Bouddhiques de Bāniyān. MDAFA, II, Paris, 1928, стр. 67 (роспись в Дохтар и Наширван), В. Г. Луконин. Кушапо-сасанидские монеты. ЭВ, XVIII, Л., 1967, стр. 28, 6 и стр. 23, табл. I в/7.

³⁴ Л. И. Альбаум. Балалык-Тепе. Ташкент, 1960, стр. 146, рис. 112.

³⁵ R. Ghirshman. Parthes et sassanides. Gallimard. 1962, стр. 172, рис. 214; стр. 206, рис. 245. Такого же типа «кости», но более стилизованные изображены за спинами некоторых из сановников, сидящих по сторонам Будды на росписи ниши Будды 35 м в Бамиане. См.: A. Godar, Y. Godar, J. Naskin. Les antiquités Bouddhiques..., табл. XXIII.

жей на розетку, какие встречаются на терракотах из Хотана³⁶. Рядом с изображением женщины еще одна фигура в красном хитоне, с коричневым с черной обводкой плащем на плечах и с черным башлыком на голове. Слева от изображения сидящего мужчины нарисована женщина в коричневатой одежде и шапочке, аналогичной шапочке правой женской фигуры. По-видимому, в правой руке эта женщина держала венок, выполненный синей и красной красками. О том, что к венку были прикреплены ленты, свидетельствуют остатки полос красно-коричневой краски. Эта женщина как бы венчала сидящего.

Изображения женщин меньше по размерам, чем изображение сидящего мужчины. Но в правом нижнем углу панно имеется маленькая фигурка в белом камзоле с синей каймой и правосторонним отворотом. Она примерно в 2,5 раза меньше любого из женских изображений и более чем в 3 раза меньше центральной фигуры. Сверху, над головами второстепенных персонажей, имеются три белых прямоугольника, на которых можно рассмотреть слабые следы надписи, сделанной черной краской, вероятно, толковавшей сюжет изображения. Сверху роспись ограничена полосой из чередующихся красных и белых квадратиков. Ширина полосы 6,2 см. Нижняя граница не расчищена, так как помещение полностью не раскопано. Роспись в нескольких местах утрачена. Куски ее выпали вместе с грунтовкой и глиняной обмазкой. Все контуры фигур и некоторые детали обведены тонкой черной линией. Художник знал применение светотени. Умело накладывая темную и светлую краски, он показал переливы жемчужных подвесок в ушах и блеск золотого выступа и бусин на головном уборе, красной краской показаны глазные впадины, тень от подбородка. Более темной краской обведены очертания рук, плечей, чтобы подчеркнуть их объемность. Живописец сумел показать и поворот женщины с венком в сторону центральной фигуры. По-видимому, с небольшим поворотом влево стояла и вторая женская фигура. К сожалению, роспись здесь сильно повреждена. Полная фронтальность только у главной сидящей фигуры.

Роспись эта уникальна и по сюжету и по исполнению. Она отличается от всех известных нам до сих пор монументальных росписей Средней Азии, Афганистана, Ирана, Индии и Китайского Туркестана. Отдельные детали находят аналогии в росписях различного времени. Так, плащ центральной фигуры не скреплен спереди, как обычно, а только слегка охватывает плечи. То же мы видим на росписной вазе IV — V вв. из Мерва в сцене пира царственной четы³⁷. В росписях Кух-И-Ходжа I в. таким же образом плащ держится на одном плече³⁸. Витые золотые гривны без пронызи и крупную пронызь на ленте можно видеть на шеях некоторых участников пира в росписи конца V — начала VI в. в Балалык-Тепе (фигуры 7, 13, 18, 31); пояс в виде двух рядов квадратиков имеется в росписи наоса храма Зевса Теоса в Дюра-Европос, датируемой I в.³⁹, круглые плоские шапочки на головах стоящих женщин напоминают розетки на головных уборах и маленькие круглые шапочки на памятниках VII — VIII вв. из Восточного Туркестана⁴⁰. Головной убор стоящего слева персонажа напоминает меховой башлык на тканях из погребения в Ноин-Ула I в. до н. э. — I в. н. э.⁴¹ и Астаны VII в. н. э.⁴².

³⁶ Н. В. Дьяконова. С. С. Сорокин. Хотанские древности. Л., 1960. № 92 и 125.

³⁷ Г. А. Кошеленко. Уникальная ваза из Мерва. ВДИ. 1966. 1, стр. 92.

³⁸ B. Ghirshman. Parthes et sassanides.... стр. 42, рис. 56.

³⁹ M. I. Rostovtzeff, F. E. Brown, C. B. Welles. The Excavations at Dura-Europos. New-Haven, 1939, табл. XXII, 4.

⁴⁰ M. A. Stein. Preliminary Report on a Journey of Archaeological and Topographical Exploration in Chinese Turkestan. II. London, 1901, стр. 40. его же. Innermost Asia. III. Oxford, 1928, табл. CVIII; A. Grünwedel. Altbuddhistische Kultstätten in chinesisches-Turkistan. Berlin, 1912, стр. 103; рис. 228.

⁴¹ Всеобщая история искусств. I, М., 1956, рис. 355.

⁴² M. A. Stein. Innermost Asia. III, табл. CVIII.

Интересна маленькая фигурка в правом углу в белом кафтане с синей каймой и отворотом. Односторонний отворот кафтана известен на росписях пещерного храма VII в. в Кизиле⁴³, на росписях V—VI вв. в нише Будды 35 м в Бамиане⁴⁴. Они характерны для персонажей росписей конца V — начала VI вв. Балалык-Тепе. Л. И. Альбаум считает, что в костюмах с правосторонними отворотами изображали жителей Северного Тохаристана⁴⁵. Что касается своеобразия головного убора центральной фигуры, то в нем, кажется, можно видеть стилизованный античный шлем. М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова, анализируя изображения шлемов на парфянских ритонах из Нисы, показывают разнообразие их типов⁴⁶. Своеобразен шлем у Афины — Ол-Лат в скульптурной группе из Хатры⁴⁷. Его расширяющиеся края напоминают головные уборы персонажей буддийских росписей Восточного Туркестана (Майа Хохле, Кизил и др.)⁴⁸. Эволюция античного шлема в государствах варваров Западной Европы идет тем же путем, о чем свидетельствуют изображения шлемов на миниатюре евангелия Лотаря⁴⁹ (ок. 845 г.), на что обратил внимание Лекок⁵⁰. Однако полной аналогии шлему центральной фигуры нашей росписи пока найти не удалось. Длинные пряди волос, спускающиеся вдоль плечей сидящего персонажа, и две короткие пряди у висков перед ушами напоминают прическу некоторых росписей персонажей на росписи Балалык-Тепе (фигуры 9, 10 и др.). Там две косички спускаются перед ушами, остальные волосы лежат на плечах. Нимб и «кости» центральной фигуры не являются чем-то необычным для росписей Бактрии. Они обнаружены на росписях Бамиана, а встреченные в соседнем Иране относятся к значительно более ранней эпохе.

В литературе уже неоднократно отмечалось, что памятники искусства отражают тесные связи, существовавшие между Индией, Восточным Туркестаном, Средней Азией и Ираном. Бактрия была связующим звеном, и не удивительно, что на ее территории сталкиваются культурные влияния. Глубокие местные традиции искусства народов, завоеванных Александром Македонским в Азии, вероятнее всего бактрийцев, нашли отражение в сообщении Хареса Митиленского, историка Александра Македонского, о картинах в святилищах, дворцах и в частных домах «населявших Азию варваров»⁵¹. Это искусство испытало сильное влияние греческого искусства, а затем иранского, индийского и других восточных цивилизаций. Эти влияния нашли отражение и в живописи Дальверзина и тем сильнее, что здесь, по-видимому, представлены различные этнографические типы.

О смысловом содержании росписи мы можем говорить лишь предположительно, расшифровка надписей поможет в будущем дать ее полное толкование. Пока мы можем предполагать, что здесь изображена сцена чествования победителя. Различная одежда персонажей, возможно, показывает представителей разных народов, а маленькая фигурка в белом кафтане символизирует, может быть, вновь покоренный народ либо это просто

⁴³ A. v. Le Coq. *Auf Hellas Spuren in Ost Turkistan*. Leipzig, 1926, стр. 113, табл. 36 и стр. 106.

⁴⁴ A. Godard, Y. Godard, J. Hackin. *Les antiquites Bouddhiques...*, XXIII—XXIV.

⁴⁵ Л. И. Альбаум. Балалык-Тепе. Ташкент, 1960, стр. 169.

⁴⁶ М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова. Парфянские ритоны Нисы. Тр. ЮТАКЭ, IV, Ашхабад, 1959, стр. 165, рис. 28.

⁴⁷ Г. А. Кошелев. Культура Парфии. М., 1966, стр. 191.

⁴⁸ A. Grünwedel. *Altbuddhistische Kultstätten in chinesischem Turkistan*. Berlin, 1912, стр. 45, рис. 89; стр. 54, рис. 104; стр. 85, рис. 190; стр. 122, рис. 266; A. v. Le Coq. *Die buddhistische Spätantike in Mittelasien*. Berlin, 1922—1926, neue bildwerke II, табл. 13.

⁴⁹ Всеобщая история искусств. II, 1, М., 1960, рис. 175.

⁵⁰ A. v. Le Coq. *Bilderatlas zur Kunst und Kulturgeschichte Mittelasiens*. Berlin, 1925, стр. 62, рис. 78.

⁵¹ В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ, 1947, 3, стр. 252.

изображение слуги. Разномасштабность изображения людей, характеризующая их социальное положение, характерна не только для среднеазиатской эпохи раннего средневековья⁵², но и для античного искусства Средиземноморья (например, рельефные надгробья). Встречается это и в искусстве Парфии — в росписи храма Зевса Теоса в Дура-Европос⁵³. Наличие иранских «Кости» как будто бы говорит в пользу того, что надпись сделана в тот период, когда Бактрия подчинялась Ирану, т. е. после походов Шапура I, надпись которого на «Каабе Зороастра», относящаяся к 262 г., сообщает, что в его владения входили «Хундустан, Кушаншахр вплоть до Пешавера и дальше до Коша, Согда и Чачских гор»⁵⁴.

В титуле сына Шапура I — Нарсе значится: «царь Сакастана, Турестана и Индии до побережья моря». Этот титул встречается у правителей восточных областей Ирана до 367 г.⁵⁵ Было бы очень заманчиво отнести время создания росписи Дальверзина к периоду, предшествующему времени правления Шапура II, так как армянский историк Фавстос Бузанд сообщает, что в 368 — 374 гг. царь кушан, правивший в Балхе, выступил против иранского шахиншаха Шапура II и победил его⁵⁶. Однако некоторые стилистические особенности росписи, сходство ее (хотя и не очень близкое) с росписями Балалык-Тепе, Бамиана и Восточного Туркестана не позволяют безоговорочно отнести его к этому времени. К сожалению, никаких находок в песке, засыпавшем помещение, не было. Возможно, при расчистке его до пола удастся еще найти какой-нибудь датирующий материал. Поэтому установление точной даты этой росписи — дело будущих раскопок. На данном этапе можно сказать, что найденный в первый сезон работ керамический и нумизматический материал с поселения не выходит за рамки позднекушанского времени. Среди бронзовых монет, обнаруженных при раскопках, имеются монеты Сотера Мегас, Канишки, Васудевы⁵⁷. Согласно датировке Д. Бханджара и Е. В. Зеймеля, наиболее поздние из найденных при раскопках монет относятся к 342 — 376 гг. Но среди бронзовых монет, купленных у местных жителей, по словам которых монеты происходят из Дальверзин-Тепе, есть одна селевкидская, одна греко-бактрийская монета Диадота, а также монета Канишки, Хувшки. Васудевы, подражания монетам Васудевы и кушано-сасанидские монеты: Хормизда I⁵⁸, Варахрана I и Варахрана II⁵⁹. Если принять датировку кушано-сасанидских монет, предложенную В. Г. Лукониным⁶⁰, то придется признать, что жизнь на Дальверзин-Тепе продолжалась до первой половины V в. Поскольку роспись относится к последнему периоду существования города, то, согласно такой поздней датировке монет, и она должна относиться к началу V в. Во всяком случае, она не должна быть позднее того времени, когда Пероз в благодарность за помощь, которую эфталиты оказали ему в борьбе за иранский престол, отдал им «Гарджистан, Тохаристан, Балх, Балахшан». А это произошло, вероятно, около 459 г., когда Пероз стал шахиншахом Ирана⁶¹.

Кроме внутригородских раскопок последовал комплекс построек за пределами городских стен, к югу, вблизи юго-западного угла. Здесь находилось большое здание с залами, обводными коридорами и многими изо-

⁵² В. А. Шишкин. Варахша. М., 1963, стр. 200.

⁵³ Г. А. Кошеленко. Культура Парфии. стр. 183.

⁵⁴ В. Г. Луконин. Кушано-сасанидские монеты, ЭВ, XVIII, 1967, стр. 16 сл.

⁵⁵ Там же, стр. 17.

⁵⁶ В. М. Массон, В. А. Ромодин. История Афганистана. I, М., 1964, стр. 168.

⁵⁷ Г. А. Пугаченкова. Халчаян. Ташкент, 1966, стр. 121, Г. А. Пугаченкова считает, что были два правителя с именем Васудевы, и действительно, в Дальверзине встречено два типа монет (рис. 77, а, б).

⁵⁸ A. D. N. V i v a r. The Kushano-Sassanian Coin Series. The Journal of the Numismatic Society of India. XVIII, 1, Bombay, 1956, табл. III, 24.

⁵⁹ Там же, табл. III, 30, 30а, 31, 31а.

⁶⁰ В. Г. Луконин. Кушано-сасанидские монеты. ЭВ, XVIII, стр. 16 сл.

⁶¹ Там же, стр. 31.

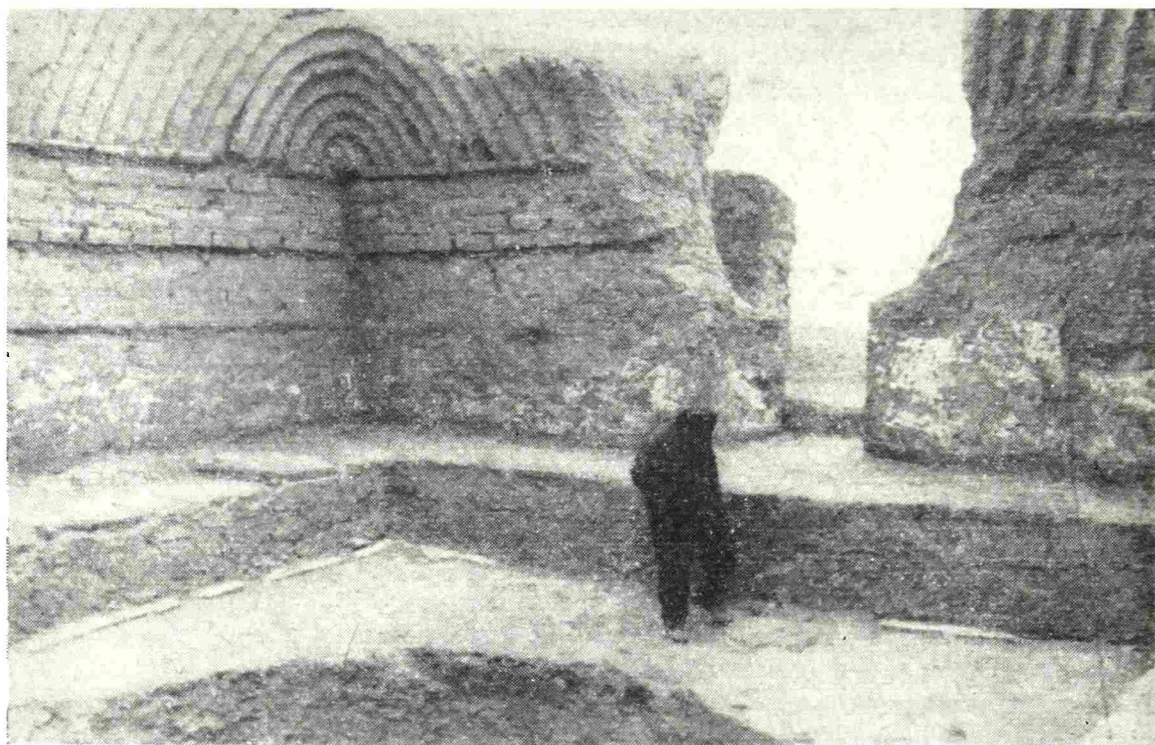

Рис. 14. Дальверзин. Помещение с бассейном в юго-западном комплексе

лированными помещениями. К его северо-западному углу примыкала квадратная в плане постройка ($21,5 \times 21,5$ м), состоявшая из квадратного помещения в центре и 3-метрового обводного коридора вокруг него. Вход в коридор был с востока. Центральное помещение имело два входа — с востока и запада. Стены его сохранились на 4,5—5,5 м. Они расширяются в верхней части, указывая на наличие свода «балхи» над центральным помещением и сводчатого перекрытия над коридором.

Стены здания имели комбинированную кладку из пахсы и кирпича. В верхней части, у пяты свода в каждом из четырех углов были пятиступенчатые паруса. Свод образовывался напуском кирпичей, поставленных под углом к кладке стены. При этом углы кирпичей выступали вперед, создавая живую игру светотени. Внутри главной постройки вдоль стен тянулась суфа шириной немного более 1 м, а в центре находился круглый бассейн диаметром 4 м (рис. 14). Борта бассейна и его стенки были облицованы обожженным квадратным кирпичом, положенным на известковый раствор. Поверхность суфы, так же как и стены здания, была покрыта глиняной штукатуркой. Особый интерес представляют находки, сделанные при раскопках здания. В стенах обводного коридора имелись ниши, в которых стояли светильники, кувшинчики и миски с яичками. В одной из них лежало яичко, раскрашенное черной и красной красками. Среди сосудов был небольшой горшочек с коричневым ангобом и орнаментом в виде штампованных пальметт, а также краснолощенные горшки с зооморфными ручками.

Лишь после того как будут закончены раскопки всего комплекса и будут расчищены и определены монеты, мы сможем с уверенностью говорить о назначении здания с бассейном и всего комплекса, а также установить дату их сооружения. Сейчас можно сказать, что паруса в углах центрального здания имеют аналогии в пещерах буддийского монастыря в Бамиане, относящихся к наиболее раннему периоду существования этого святилища⁶². В Хорезме такие паруса встречаются в памятниках афри-

⁶² A. Godar, Y. Godar, J. Hackin. Les antiquités bouddhiques..., XXXI, а.

гидского времени⁶³. Керамика из данного комплекса имеет прямые аналогии с керамикой основной укрепленной части городища. А среди монет, найденных в этой части городища, которые удалось датировать, наиболее поздние принадлежат Васудеве и Варахрану⁶⁴, поэтому пока нет оснований относить данный комплекс к периоду позднее IV в. или, может быть, первой половины V в. Дальнейшее исследование Дальверзин обещает дать исследователям не только новые образцы бактрийского искусства эпохи кушан, оно позволит дать ответ на многие спорные вопросы кушанской хронологии. Вскрытие нижележащих слоев обещает осветить малоизученные вопросы истории Греко-Бактрии, а также Бактрии ахеменидского времени.

I. Krouglikova, V. Sarianidi

«LA BACTRIANE ANCIENNE DANS L'OPTIQUE DE NOUVELLES
DÉCOUVERTES ARCHÉOLOGIQUES»

R é s u m é

Les fouilles effectuées par l'expédition Afghano-Soviétique sur le territoire de la Bactriane ont permis de découvrir un oasis des anciens sites dans la direction nord de la ville d'Aktcha. Ses plus anciens monuments remontent à l'âge de bronze tardif (la seconde moitié du IIe millénaire avant notre ère). Ce sont les fortifications aux tours de défense. On a mis au jour un «bâtiment circulaire», construction monumentale du type d'un temple.

Le mobilier archéologique (poteries, objets de bronze, cachets et d'autres) révèle les rapports de l'oasis avec l'Iran (Shah Tépé, Turenté Tépé, Tépé Hissar) et les régions méridionales de l'Asie Moyenne.

Les monuments postérieurs de l'oasis sont associés à l'époque des Achéménides.

Au cours des fouilles de Dalverzin ville antique de l'oasis, on a trouvé des édifices monumentaux aux ornements «mixtes» où des peintures sont combinées avec des sculptures.

Les peintures aux sujets déterminés sont retrouvées aussi dans les locaux attenants au mur de la ville. On les rattache à l'époque des Kouchanes-Sassanides.

⁶³ В. Л. Воронина. Строительная техника древнего Хорезма. Тр. ХАЭЭ, I, М., 1952, стр. 99.

⁶⁴ E. Herzfeld. Kushano-Sasanian Coins. Calcutta, 1930, табл. I, 8a; II, 9b; III, 19a.